УДК 821.161.1 + 18:8.01

Н. Ю. Букарева **https://orcid.org/0000–0003–0616–9328**

О. Е. Малая **https://orcid.org/0000–0001–7818–0222**

Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н. С. Гумилева

Для цитирования: Букарева Н. Ю., Малая О. Е. Феномен войны в эстетике и художественном творчестве Н. С. Гумилева // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 36–42.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-36-41

В статье показывается генезис мироощущения Н. С. Гумилева через анализ его произведений, в которых поэт осмысляет тему войны. Первоначальное восторженное восприятие войны объясняется следованием поэта адамистической концепции мира. В статье раскрываются основные идеи этой концепции. Авторы полагают, что она по своей сути напоминает феноменологическую редукцию Э. Гуссерля, так как «новые Адамы» ратовали за очищение человека от наносной коры «рефлексий и сомнений». Изменение отношения Н. Гумилева к Первой мировой войне и, как следствие, трансформирование ее художественного изображения в его стихах и прозе мотивировано столкновением поэта с реальностью и осознанием того, что война, независимо от ее характера и вызвавших ее причин, ужасна в принципе, так как она уносит человеческие жизни. Как следствие изменения восприятия войны в целом – и трансформация христианской символики в военной лирике: если в начальных стихах военного «цикла» она показывает веру автора в войну как в Божий путь, путь преображения человека, а значит, и мира, то в поздних звучат мысли о том, что вместо Бога в душе у человека – безбожие, война сделала человека жестоким, лишила веры. Следовательно, в поздних стихотворениях военного «цикла» очевиден отказ Н. С. Гумилева от адамистической концепции войны.

Ключевые слова: Н. С. Гумилев, акмеизм, адамистическая концепция, концепция войны, христианские мотивы.

N. Yu. Bukareva, O. E. Malaya

The phenomenon of war in the aesthetics and artistic creativity of N. S. Gumilyov

This article shows the genesis of N. S. Gumilyov's worldview through the analysis of his works, in which the poet comprehends the theme of war. The initial enthusiastic perception of war is explained by the poet's adherence to the adamistic concept of peace. The article reveals the main ideas of this concept. The authors assume that it essentially resembles the phenomenological reduction of E. Husserl, since the «new Adams» advocated the cleansing of man from the alluvial crust of «reflections and doubts». The change in the attitude of N. Gumilyov's approach to World War I and, as a result, the transformation of its artistic image in his poems and prose, is motivated by the poet's collision with reality and the realization that war, regardless of its nature and the reasons that caused it, is terrible in principle, since it takes human lives. As a result of changes in the perception of war in general and the transformation of Christian symbols in military lyrics: if in verses the military «cycle» it shows the faith of the author in a war in God's path, the path of transformation of man, and hence the world, then later heard the idea that instead of God in the soul of man there is godlessness, the war made a violent man, deprived of faith. Consequently, in the later poems of the military «cycle», N. S. Gumilyov's rejection of the adamistic concept of war is obvious.

Key words: N. S. Gumilyov, acmeism, adamistic concept, the concept of war, Christian motifs.

Почему люди воюют? Этот вопрос занимает человечество на протяжении тысячелетий. Само слово «война» происходит от древнегерманского werra, корни которого можно обнаружить, например, в английском слове war. Корень древнегреческого polemos, также означающего «войну», очевиден в словах «полемика», «полемический», «полемист», а корень латинского bellum (война) сохранился в английском belligerent (воинственный). В тех или иных формах это слово есть во всех мировых языках как прежних эпох, так и современности, что служит одним из показателей универсальности данного феномена. Множество концепций и

© Букарева Н. Ю., Малая О. Е., 2020

теорий войны свидетельствуют о сложности этой проблемы.

Не обошла данная тема и эстетику акмеизма – течения в русской поэзии начала XX века, основателем и идейным вдохновителем которого был Николай Степанович Гумилев. Он стремился «не только развенчать позиции символизма, но и, перерабатывая, превзойти их созданием своего собственного, духовно более зрелого мифа акмеизма» [Баскер, 2000, с. 141]. Поэт, прозаик, драматург, литературный критик, яркий представитель эпохи Серебряного века, Гумилев творил свою жизнь, как творят произведения искусства. «Требовал или не требовал поэта к священной лире Аполлон, – творимая легенда продолжалась» [Крейд, 1993, с. 13–14]. В одном из писем молодого Гумилева читаем: «Что есть прекрасная жизнь, как не реализация вымыслов, созданных искусством? Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму? Правда, материал очень неподатлив, но разве не из твердого мрамора высекают самые дивные статуи?» [Гумилев, 1991, с. 220]. Адамистическая концепция, придуманная им вместе с Сергеем Городецким, была частью творчества и жизнетворчества этих поэтов. Адамисты предлагают человеку максимально «опроститься», избавить себя от лишнего груза рефлексий и сомнений путем высвобождения исконных, истинных начал, сохранившихся от первобытного Адама до наших дней: «Как адамисты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению» [Гумилев, 1990, с. 57]. В своем творчестве Гумилев выводит целую галерею «новых Адамов». Таков Маркиз де Карабас (стихотворение «Маркиз де Карабас», 1910). Он живет в мире воображения и магии, исполненный детской непосредственности и бессознательной мудрости, которая позволяет ему общаться на равных со своим усатым котом и узреть свой маркизат в «каждой травинке, в каждой ветке». Таков художник Фра Беато Анжелико в одноименном стихотворении 1912 года («На всем, что сделал мастер мой, печать // Любви земной и простоты смиренной»). Поэт не случайно предпринимает несколько путешествий в Африку, которой он посвящает цикл стихов в сборнике «Шатер» (1921): эта земля привлекает его незамысловатостью обычаев, простотой и естественностью жизни.

...Садовод всемогущего Бога
В серебрящейся мантии крыльев
Сотворил отражение рая...
(«Судан», 1921) [Гумилев, 2001, с. 170].

Всматриваясь в предметный мир, «новый Адам» дает вещам «девственные наименования», не отягощенные предшествующими смыслами. В статье-манифесте С. Городецкого читаем, что задача «нового Адама» – «опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух…» [Городецкий, 1913].

На языке поэзии провозглашенная С. Городецким адамистическая программа «девственных наименований» звучит так:

Просторен мир и многозвучен,
И многоцветней радуг он.
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн, и ветхой мглы –
Вот подвиг первый. Подвиг новый –
Всему живому петь хвалы [Городецкий, 1914, с. 114].

В целом адамистическая концепция напоминает феноменологическую редукцию Э. Гуссерля (воздержание от суждения, или эпохе), целью которой должно стать достижение «чистого сознания», и особенно ту форму редукции, которая требует отказа философствующего Я от всех существующих точек зрения относительно рассматриваемого предмета (Гуссерль имеет в виду все существующие мнения, взгляды, теории по анализируемому вопросу). По Гуссерлю, «то, что мы приобретаем именно таким путем, или точнее, что таким путем приобретаю я, размышляющий, есть моя чистая жизнь со всеми ее чистыми переживаниями и со всеми ее чистыми полаганиями, универсум *феноменов* в феноменологическом смысле. Можно также сказать, что εποχή (эпохе – *Н. Б.*) представляет собой радикальный и универсальный метод, посредством которого я в чистоте схватываю себя как Я вместе с чистой жизнью собственного сознания, в которой и благодаря которой весь объективный мир есть для меня, и так, как он есть именно для меня» [Гуссерль, 2006]. Очевидно, идея «заключения в скобки» всех существующих взглядов, научных теорий и учений и произвела наибольшее впечатление на Гумилева, хотя нет основания утверждать, что он был знаком с работами Э. Гуссерля. Скорее всего, та атмосфера, в которой жил и творил Гумилев, да и все поэты, позже назвавшие себя акмеистами (С. Городецкий, А. Ахматова, М. Зенкевич, В. Нарбут), была пропитана философскими теориями русского «гуссерлианца» Г. Г. Шпета, а

также русскими публикациями Гуссерля с комментариями к ним Шпета. Поэтому выработка адамистической концепции не была, конечно, случайностью. «Новые Адамы» ратовали за максимальное «опрощение» человека, очищение его от наносной коры «рефлексий и сомнений» [Гумилев, 1913], и война в этом смысле являлась благодатным моментом, максимально ускоряющим и упрощающим такой сложный процесс.

Н. Гумилев с восторгом отнесся к начавшейся Первой мировой войне: «Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью... Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание. Я не видел человека, природе которого было бы более чуждо сомнение... Ум его, догматический и упрямый, не ведал никакой двойственности» [Николай Гумилев в воспоминаниях современников, 1990]. Эта характеристика А. Я. Левинсона, современника поэта, как нам кажется, полностью подходит к Гумилеву лишь начала войны. В ходе войны характер его претерпевает изменение, как претерпевает изменение и мировоззрение поэта.

Н. С. Гумилев еще в 1907 году был освобожден от воинской повинности из-за болезни глаз, однако, добившись разрешения стрелять с левого плеча, в 1914 году добровольцем ушел на фронт. «Гумилеву было предоставлено право выбора рода войск, он предпочел кавалерию. Ездить верхом поэт не умел, зато у него было полное отсутствие страха» [Шошин, 1994, с. 210], а облик кавалериста гармонично вписывался в его концепцию жизнетворчества (поэт, конквистадор, рыцарь, воин):

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду…
(«Я конквистадор в панцире железном», 1905) [Гумилев, 1998, с. 5].

В письме к жене, А. А. Ахматовой, Гумилев пишет: «Вообще война мне очень напоминает мои абиссинские путешествия. Аналогия почти полная: недостаток экзотичности покрывается более сильными ощущениями» [Лукницкая, 1990, с. 172]. С одной стороны, Гумилеву комфортно на войне, она благодатно влияет на его физическое состояние: «Я все здоровею и здоровею: все время на свежем воздухе (а погода прекрасная, все время скачу верхом, а по ночам сплю как убитый)» [Лукницкая, 1990, с. 169], с другой стороны, ему не хватает трагизма, вместо романтики – военный быт: «Раненых привозят немало, и раны все какие-то странные: ранят не в грудь, как описывают в романах, а в лицо, в руки, в ноги. Под одним нашим уланом пуля пробила седло как раз в тот миг, когда он приподнимался на рыси, секунда до или после, и его бы ранило» [Лукницкая, 1990, с. 169–170].

Война позволяла Гумилеву с особой остротой ощущать ценность каждого момента бытия, бросать вызов смерти, совершая иррациональные, казалось бы, безумные поступки. В исследовательской литературе описан случай, рассказанный сослуживцем Н. С. Гумилева: «Группа офицеров возвращалась в распоряжение 4-го эскадрона по открытой местности... Неожиданно с другой стороны реки раздались пулеметные очереди. Шахназаров и Посажной тут же прыгнули в ближайший окоп. Гумилев демонстративно остановился, порылся в карманах, достал портсигар, щелкнул и вытащил папиросу, принялся закуривать, несмотря на то, что пули жужжали прямо над головой.

– Прапорщик, немедленно ко мне! – не выдержал Шахназаров.

Гумилев спокойно затянулся, выпустил дым в сторону противника и лишь после этого спрыгнул в окоп. Конечно, в этом была мальчишеская бравада, но и желание показать свое презрение к смерти» [Полушкин, 1991, с. 39].

Постепенный отход Гумилева от им же придуманного акмеизма очень четко прослеживается в его военных стихах. Несмотря на то, что стихотворения о войне были помещены в разных сборниках («Колчан», 1915 и «Костер», 1918), а часть публиковалась в периодической печати, «они составляют *цикл*, то есть замкнутое единство на основе внешней и внутренней общности всех составляющих. Внешняя общность этих стихотворений – тематическая. В основе же внутренней общности – принципиально новая проблема в творчестве Гумилева, проблема взаимодействия личности и истории» [Зобнин, 1994]. Стихи военного цикла – это, соответственно, «и поиск новых форм для выражения складывающегося нового мироощущения» [Зобнин, 1994].

Сначала поэт смотрит на войну с точки зрения адамистической концепции. «По мысли Гумилева, в пограничной между жизнью и смертью ситуации... человек обретает все величие и радость своего существования, чувствует истинную ценность простых человеческих чувств: любви, ненависти, дружбы, скорби и т. п., которые предстают в своей первозданной ясности» [Зобнин, 1994]. «Гуми-

лев настолько высоко оценивает воинское служение, что смерть на поле боя считает единственным достойным концом жизни человека» [Степанова, 2018, с. 320].

Цветение духа на фоне физических лишений и даже благодаря им неоднократно подчеркивается Гумилевым как в военной лирике, так и в прозе. В «Записках кавалериста», описывая одну из самых трудных ночей в своей жизни, Гумилев так завершает эту часть своих фронтовых заметок: «И все же чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Мне чудилось, что я чувствую душный аромат этой розы, вижу красные языки огня» [Гумилев, 1991].

Это четверостишие Гумилев позже включил в стихотворение «Солнце духа» (1914), которое закончил так:

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды [Гумилев, 1999, с. 59].

Дух, по Гумилеву, питается словом Господним: «Но не надо яства земного // В этот страшный и светлый час // Оттого, что Господне слово // Лучше хлеба питает нас» («Наступление», 1914) [Гумилев, 1999, с. 52], поэтому в военных стихах нередко присутствует христианская символика. Она показывает веру автора в войну как в «данный», Божий путь, путь преображения человека, а значит, и мира: «И воистину светло и свято // Дело величавое войны, // Серафимы, ясны и крылаты, // За плечами воинов видны» («Война», 1914) [Гумилев, 1999, с. 53]. Война для Гумилева, в соответствии с его адамистической концепцией, – «солнечный» труд. Поэт восхищается ратным ремеслом, воспевает «красоту военной бури, пробуждение на поле боя высочайшей духовности, пламенного героизма» [Тух, 2005, с. 183.]

Но, помимо концепции, была еще реальная жизнь, которую поэт видел и прекрасно отображал как в прозе, так и в поэзии. Его картина мира – правдивая, яркая, лишенная, однако, экзотики, которая ранее была неотъемлемой частью его стихов:

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом,
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.
(«Смерть», 1914) [Гумилев, 1999, с. 55].

В военной лирике поэт не отказывается от метафор, сравнений, но подбирает их настолько умело, точно, что реалистическое изображение действительности ничуть не страдает. В стихотворении «Война» перед читателем предстает отнюдь не романтическая картина боя:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед [Гумилев, 1999, с. 53].

Естественно, рано или поздно истинный художник, отображающий мир во всей его противоречивой полноте, должен был вступить в конфликт с теоретиком «адамизма», что и произошло. В «Записках кавалериста» Н. С. Гумилев так описывает гибель молодого бойца: «За ночь почти все квартирьеры вернулись. Не хватало трех, двое, очевидно, попали в плен, а труп третьего был найден на дворе усадьбы. Бедняга, он только что прибыл на позиции из запасного полка, и все говорили, что будет убит. Его револьвер валялся около него, а на теле, кроме огнестрельной, было несколько штыковых ран. Видно было, что он долго защищался, пока не был приколот. Мир праху твоему, милый товарищ! Все из нас, кто мог, пришли на твои похороны» [Гумилев, 1991]. Здесь мы не встречаем ни одной метафоры, ни одного сравнения. Автор не желает каким-то образом украсить свой язык, наоборот, он активно использует обыденную, разговорную лексику («бедняга», «валялся», «приколот»), но сила выразительности данного отрывка от этого не меньше, наоборот, каждое слово работает на эту выразительность: показана будничность, обычность войны и связанных с ней убийств. Война, независимо от ее характера и вызвавших ее причин, ужасна в принципе, так как она уносит человеческие жизни. Можно сказать, что в «Записках кавалериста» показана война глазами поэта, ставшего солдатом: «Я взглянул в бойницу. Было серо, и дождь лил по-прежнему. Шагах в двух-трех предо мной ко-

пошился австриец, словно крот, на глазах уходящий в землю. Я выстрелил. Он присел в уже выкопанную яму и взмахнул лопатой, чтобы показать, что я промахнулся. Через минуту он высунулся, я выстрелил снова и увидел новый взмах лопаты. Но после третьего выстрела уж ни он, ни его лопата больше не показались» [Гумилев, 1991]. «Николай Гумилев аккуратно снимает с Первой мировой войны флер романтической лучезарности – он рассказывает о войне как о времени жизни, которое противоречит смыслу человеческого существования» [Кройчик, 2014, с. 217].

Осмысленный трагизм войны, необратимость ее последствий глазами женщины показан в стихотворении «Ответ сестры милосердия»:

И не знаете, что от боли
Потемнели мои глаза.
Не понять вам на бранном поле,
Как бывает горька слеза.

Нас рождали для муки крестной,
Как для светлого счастья вас,
Каждый день, что для вас воскресный,
То день страдания для нас.

Солнечное утро битвы,
Зов трубы военной – вам,
Но покинутые могилы
Навещать годами нам…
(«Ответ сестры милосердия», 1915) [Гумилев, 1999, с. 71].

То, что отношение поэта к войне изменилось, также показывает одно из поздних стихотворений военного цикла «Франции» (1918):

…Мы сбирались там, поклоны клали,
Ангелы нам пели с высоты,
А бежали – женщин обижали,
Пропивали ружья и кресты.
[.....]
В каждом, словно саблей исполина,
Надвое душа рассечена,
В каждом дьявольская половина
Радуется, что она сильна [Гумилев, 1999, с. 191–192].

Итак, «солнце духа» закатилось. Вместо Бога в душе – безбожие. Война ожесточила, отняла веру. Желанный прогресс обернулся регрессом, вместо ожидаемого «преображения» произошло «одичание». Человек, попавший в горнило войны, превращается не в «нового Адама», а в дикаря:

Иль зори будущие ясные
Увидят мир таким, как встарь:
Огромные гвоздики красные
И на гвоздиках спит дикарь…
(«И год второй к концу склоняется…», 1916) [Гумилев, 1999, с. 99].

Рабочий из одноименного стихотворения 1916 года – уже не человек, он лишь орудие войны. Когда-то люди создали войну, а теперь она ими управляет. Этот человек-автомат просто делает свою работу, ни о чем не задумываясь, затем идет домой, а между тем

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной…
[.....]
И Господь воздаст мне полно мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек
(«Рабочий», 1916) [Гумилев, 1999, с. 103].

Таким образом, в поздних стихотворениях военного цикла Гумилева происходит процесс переоценки ценностей: преодоление адамистической концепции личности, а также признание ответственности каждого человека за все происходящее на земле. Поставленные здесь философские проблемы получат свое разрешение в позднем творчестве Гумилева 1918–1921 годов, как получат воплощение и новые формы выражения складывающегося нового мироощущения [Малая, 2008, с. 40].

Библиографический список

1. Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму / пер. с англ. Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. 160 с.

2. Городецкий С. М. Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 46–50. URL : https://gumilev.ru/acmeism/5/ (дата обращения: 14.02.2020).

3. Городецкий С. М. Цветущий посох. Вереница восьмистиший. Санкт-Петербург : Грядущий день, 1914. 142 с.

4. Гумилев Н. С. Записки кавалериста // Гумилев Н. С. Сочинения : в 3 т. Том 2. Драматургия. Проза. Москва : Художественная литература, 1991. URL: https://www.litmir.me/bd/?b=180090 (дата обращения: 14.02.2020).

5. Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. Москва : Современник, 1990. 385 с. С. 55–58.

6. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). Москва : Воскресение, 1998. 502 с.

7. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 3. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). Москва : Воскресение, 1999. 462 с.

8. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 4. Стихотворения. Поэмы (1914–1918). Москва : Воскресение, 2001. 394 с.

9. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. с нем. Москва : Наука, 2006. 315 с. URL : https://dom-knig.com/read_242126-12 (дата обращения: 14.02.2020).

10. Зобнин Ю. Стихи Гумилева, посвященные мировой войне 1914–1918 годов (военный цикл) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. Санкт-Петербург : Наука, 1994. 678 с. С. 123–143. URL : https://gumilev.ru/about/100/ (дата обращения: 14.02.2020).

11. Крейд В. Встречи с серебряным веком // Воспоминания о серебряном веке. Москва : Республика, 1993. 561 с. С. 5–16.

12. Кройчик Л. Е. Перечитывая «Записки кавалериста» Николая Гумилева // Русская литература и журналистика в движении времени. 2014. № 1. С. 205–226.

13. Лукницкая В. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Ленинград : Лениздат, 1990. 302 с.

14. Малая О. Е. Эстетические взгляды Н. С. Гумилева: проблемы художественного творчества. Кострома : Изд-во Костромской государственной сельскохозяйственной академии, 2008. 120 с.

15. Николай Гумилев в воспоминаниях современников / ред.-сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. Москва : СП «Вся Москва», 1990. 316 с. URL : https://dom-knig.com/read_323759-45 (дата обращения: 14.02.2020).

16. Письмо Н.С. Гумилева к В. Е. Аренс от 1 июля 1908 года // Гумилев Н. С. В огненном столпе. Москва : Сов. Россия, 1991. 412 с.

17. Полушин В. Л. Рыцарь русского ренессанса. Размышления о жизни и творчестве // Гумилев Н. С. В огненном столпе. Москва : Советская Россия, 1991. 412 с. С. 5–50.

18. Степанова М. А. Образ Первой мировой войны в поэзии С. А. Есенина и Н. С. Гумилева / М. А. Степанова // Художественная словесность: теория, методология исследования, история : коллективная монография, посвященная 70-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Юрия Ивановича Минералова / под ред. И. Г. Минераловой, С. А. Васильева. Москва : Общество с ограниченной ответственностью Агентство «Литера» (Ярославль), 2018. 396 с. С. 318–325. URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35063194 (дата обращения: 14.02.2020).

19. Тух Б. И. Путеводитель по Серебряному веку: Краткий популярный очерк об одной эпохе в истории русской культуры. Москва : Издательство «Октопус», 2005. 207 с.

20. Шошин В. А. Н. Гумилев и Н. Тихонов (Фрагменты книги «Повесть о двух гусарах) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. Санкт-Петербург : Наука, 1994. 678 с. С. 201–235.

Reference List

1. Basker M. Rannij Gumilev: put' k akmeizmu = Early Gumilev: the path to acmeism / per. s angl. Sankt-Peterburg : RHGI, 2000. 160 s.

2. Gorodeckij S. M. Nekotorye techenija v sovremennoj russkoj pojezii = Some trends in modern Russian poetry // Apollon. 1913. № 1. S. 46–50. URL : https://gumilev.ru/acmeism/5/ (data obrashhenija: 14.02.2020).

3. Gorodeckij S. M. Cvetushhij posoh. Verenica vos'mistishij = Blossoming staff. Srting of octaves. Sankt-Peterburg : Grjadushhij den', 1914. 142 s.

4. Gumilev N. S. Zapiski kavalerista = // Gumilev N. S. Sochinenija : v 3 t. Tom 2. Dramaturgija. Proza. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1991. URL: https://www.litmir.me/bd/?b=180090 (data obrashhenija: 14.02.2020).

5. Gumilev N. S. Nasledie simvolizma i akmeizm = The heritage of symbolism and acmeism // Gumilev N. S. Pis'ma o russkoj pojezii. Moskva : Sovremennik, 1990. 385 s. S. 55–58.

6. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10-ti tomah. Tom 1. Stihotvorenija. Pojemy (1902–1910) = Complete works in 10 volumes. Volume 1. Poems. Poems (1902–1910). Moskva : Voskresenie, 1998. 502 s.

7. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10-ti tomah. Tom 3. Stihotvorenija. Pojemy (1914–1918) = Complete works in 10 volumes. Volume 3. Poems. Poems (1914–1918). Moskva : Voskresenie, 1999. 462 s.

8. Gumilev N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 10-ti tomah. Tom 4. Stihotvorenija. Pojemy (1914–1918) = Complete works in 10 volumes. Volume 4. Poems. Poems (1914–1918). Moskva : Voskresenie, 2001. 394 s.

9. Gusserl' Je. Kartezianskie razmyshlenija = Cartesian reflections / per. s nem. Moskva : Nauka, 2006. 315 s. URL : https://dom-knig.com/read_242126-12 (data obrashhenija: 14.02.2020).

10. Zobnin Ju. Stihi Gumileva, posvjashhennye mirovoj vojne 1914–1918 godov (voennyj cikl) = Gumiljov's poems, devoted to World War of 1914–1918 (war cycle) // Nikolaj Gumilev. Issledovanija i materialy. Bibliografija. Sankt-Peterburg : Nauka, 1994. 678 s.

S. 123–143. URL : https://gumilev.ru/about/100/ (data obrashhenija: 14.02.2020).

11. Krejd V. Vstrechi s serebrjanym vekom = Encounters with the Silver Age // Vospominanija o serebrjanom veke. Moskva : Respublika, 1993. 561 s. S. 5–16.

12. Krojchik L. E. Perechityvaja «Zapiski kavalerista» Nikolaja Gumileva = Reading «The notes of a cavalryman» by Nikolay Gumiljov again // Russkaja literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. 2014. № 1. S. 205–226.

13. Luknickaja V. Nikolaj Gumilev: Zhizn' pojeta po materialam domashnego arhiva sem'i Luknickih = Nikolay Gumiljov: The life of a poet according to the materials of home archive of theLuknitskys. Leningrad : Lenizdat, 1990. 302 s.

14. Malaja O. E. Jesteticheskie vzgljady N. S. Gumileva: problemy hudozhestvennogo tvorchestva = Aesthetic views of N.S. Gumiljov: the problems of artistic creation. Kostroma : Izd-vo Kostromskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii, 2008. 120 s.

15. Nikolaj Gumilev v vospominanijah sovremennikov = Nikolay Gumiljov in his contemporaries memories / red.-sost., avt. predisl. i komment. V. Krejd. Moskva : SP «Vsja Moskva», 1990. 316 s. URL : https://domknig.com/read_323759-45 (data obrashhenija: 14.02.2020).

16. Pis'mo N. S. Gumileva k V. E. Arens ot 1 ijulja 1908 goda = Letter from N. S. Gumilyov to V. E. Arens, July 1, 1908 // Gumilev N. S. V ognennom stolpe. Moskva : Sov. Rossija, 1991. 412 c.

17. Polushin V. L. Rycar' russkogo renessansa. Razmyshlenija o zhizni i tvorchestve = The knight of the Russian Renaissance. Reflections on life and work // Gumilev N. S. V ognennom stolpe. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1991. 412 s. S. 5–50.

18. Stepanova M. A. Obraz Pervoj mirovoj vojny v pojezii S. A. Esenina i N. S. Gumileva = The image of the First World War in the poetry of S. A. Yesenin and N. S. Gumilyov // Hudozhestvennaja slovesnost': teorija, metodologija issledovanija, istorija : kollektivnaja monografija, posvjashhennaja 70-letnemu jubileju doktora filologicheskih nauk, professora, Zasluzhennogo dejatelja nauki RF Jurija Ivanovicha Mineralova / pod red. I. G. Mineralovoj, S. A. Vasil'eva. Moskva : Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju Agentstvo «Litera» (Jaroslavl'), 2018. 396 s. S. 318–325. URL : https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35063194 (data obrashhenija: 14.02.2020).

19. Tuh B. I. Putevoditel' po Serebrjanomu veku: Kratkij populjarnyj ocherk ob odnoj jepohe v istorii russkoj kul'tury = Guide to the Silver Age: A short popular essay on an era in the history of Russian culture. Moskva : Izdatel'stvo «Oktopus», 2005. 207 s.

20. Shoshin V. A. N. Gumilev i N. Tihonov (Fragmenty knigi «Povest' o dvuh gusarah) = N. Gumiljov and N. Tichonov (Abstracts of the book «A story about two hussars») // Nikolaj Gumilev. Issledovanija i materialy. Bibliografija. Sankt-Peterburg : Nauka, 1994. 678 s. S. 201–235.